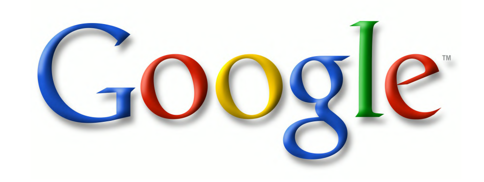

TRUUSMAN
DREVNIEISHAIA
LIVONSKAIA KHRONIKA...

Георгій ТРУСМАНЪ.

ДРЕВНѢЙШАЯ ЛИВОНСКАЯ ХРОНИКА И ЕЯ АВТОРЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).
1907.

Truusman, Jüri.

Георгій ТРУСМАНЪ.

ДРЕВНѢЙШАЯ ЛИВОНСКАЯ ХРОНИКА И ЕЯ АВТОРЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).
1907.

Изъ „Записокъ Русскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества“.

Древнѣйшая Ливонская хроника и ея авторъ.

Извѣстная нынѣ подъ названіемъ «Heinrici Chronikon Livoniae» древнѣйшая Ливонская хроника, изданная по кодексу Замойскаго (въ «Scriptores rerum Germanicarum»), относимому къ концу XIV в., требуетъ пересмотра. На дѣлѣ текстъ этого кодекса далеко не свободенъ отъ интерполяцій и ошибокъ переписчика. Если географическія и личныя имена, приводимыя въ хроникѣ, не могутъ быть возстановлены съ полною достовѣрностью, то во всякомъ случаѣ знатоки мѣстныхъ туземныхъ языковъ могутъ указать болѣе или менѣе правдоподобные варіанты. Пересмотръ хроники въ отношеніи географической и личной номенклатуры требуетъ сравненія всѣхъ списковъ хроники и затѣмъ сопоставленія приводимыхъ въ ней именъ съ сохранившимися въ мѣстныхъ названіяхъ и историческихъ документахъ древними именами языческихъ временъ. Въ настоящей статьѣ я попытаюсь указать позднѣйшія вставки и противорѣчія въ хроникѣ и обосновать новое предположеніе о личности ея автора.

Отрывочное сообщеніе о томъ, что еп. Мейнгардъ участвовалъ въ походѣ шведскаго князя на куронъ въ союзѣ съ нѣмцами и готами, причемъ буря загнала ихъ въ Виронію, эстонскую провинцію, откуда послѣ трехдневнаго опустошенія страны и полученія дани, князь вернулся обратно (I, 13), ставитъ историковъ въ затрудненіе. Оно приведено безъ всякой связи съ предшествующимъ разсказомъ съ обычнымъ у хроникера связующимъ звеномъ «jam tunc idem episcopus» (т.-е. Мейнгардъ). Самъ хроникеръ прямо заявляетъ, что еп. Мейнгардъ не имѣлъ возможности отлучаться изъ Ливоніи, такъ какъ ливы подстерегали его по дорогамъ, и лишь благодаря благочестивой хитрости его сотруднику брату Теодориху удалось выбраться изъ Ливоніи и предстать папѣ съ плачевною вѣстью о Ливонской миссіи. Затѣмъ прибитіе бурею крестоносцевъ съ южнаго берега Балтійскаго моря къ концу Финскаго залива, неупоминаніе имени князя и союзъ его съ нѣмцами и готами свидѣтельствуютъ о неправдоподобности этого сообщенія.

Свѣдѣнія хроники о постройкѣ Динаминдскаго монастыря несомнѣнно представляютъ позднѣйшія вставки посторонняго лица. Подлинныя свѣдѣнія о существованіи монастыря въ Динаминдѣ авторъ сообщаетъ лишь мимоходомъ, при случаѣ. Такъ, въ 1211 г., при случаѣ назначенія Теодориха сотрудникомъ еп. Альберта и посвященія епископомъ въ Эстоніи упоминается о существованіи въ Динаминдѣ цистерціанскаго ордена, аббатомъ котораго состоялъ Теодорихъ. На его мѣсто аббатомъ въ Динаминдѣ въ томъ же году былъ посвященъ Бернгардъ изъ Липпіи при первомъ его прибытіи въ Ливонію (XV, 4). Затѣмъ при посвященіи аббата Бернгарда въ 1218 г. въ епископа Земигалліи хроникеръ не упоминаетъ о его преемникѣ. Второй разъ при случаѣ возвращенія папскаго легата Вильгельма въ 1226 г. хроникеръ, имѣвшій поводъ подробнѣе остановиться на Динаминдскомъ монастырѣ, не дѣлаетъ этого, а говоритъ лишь, что онъ долго сидѣлъ при корабляхъ около моря, между тѣмъ, какъ изъ актовъ извѣстно, что легатъ Вильгельмъ былъ въ Динаминдѣ съ 28 апрѣля до 28 мая 1226 г. По всей вѣроятности, Динаминдскій монастырь еще не былъ благоустроенъ и не служилъ удобнымъ мѣстопребываніемъ Ливонскихъ господъ. Вышеупомянутая интерполяція о Динаминдскомъ монастырѣ слѣдующая. Описывая въ 1202 г. епископство Альберта, хроникеръ сообщаетъ, что Альбертъ по обыкновенію отправился въ Германію за сборомъ пилигримовъ и возвратился въ слѣдующемъ году. Въ его отсутствіе дѣйствовалъ въ Ливоніи его братъ Энгельбертъ въ сотрудничествѣ съ братомъ Теодорихомъ Торейдскимъ и священникомъ Алабрандомъ и прочими братьями. Одобряя жизнь и принадлежность Энгельберта къ тому же ордену Зигеберскаго монастыря, какъ и блаженной памяти еп. Мейнгардъ, братья конвента Пр. Дѣвы Маріи въ Ригѣ выбрали его пробстомъ. Присовокупивъ, что еп. Альбертъ перевелъ этотъ конвентъ, основанный Мейнгардомъ, изъ Икесколы въ Ригу, хроникеръ будто бы продолжаетъ: «claustrum quoque Cysterciensium monachorum in ore Dune construxit, quod claustrum Dunemunde vel montem Sancti Nicolai appellavit. Cui cenobio cooperatorem suum in ewangelio, fratrem Theodericum de Thoreyda, abbatem consecravit» (VI, 5). Кто построилъ? Если еп. Альбертъ и если постройка одновременна переводу конвента изъ Икесколы въ Ригу, то постройка относится не къ 1202, но къ 1201 г., когда строилась Рига (V, 1). Но, во-первыхъ, постройка монастыря и города Риги одновременно или въ ближайшее время весьма мало вѣроятна, во-вторыхъ, по прямому свидѣтельству хроникера, братъ Теодорихъ Торейдскій былъ назначенъ сотрудникомъ еп. Альберта лишь въ 1211 г.:

«Theodericum abbatem Cysterciensis ordinis in Dunemunde sibi cooperatorem continui sui laboris assumpsit» (XV, 4), а сотрудникомъ по евангелію братъ Теодорихъ былъ у еп. Мейнгарда (I, 10). Слѣдовательно, авторъ хроники не могъ называть брата Теодориха въ 1202 году сотрудникомъ еп. Альберта по евангелію. Очевидно, приведенное сообщеніе объ основаніи Динаминдскаго монастыря въ 1202 г. представляетъ позднѣйшую вставку, сдѣланную постороннимъ лицомъ, вѣроятно, монахомъ Динаминдскаго монастыря. Вторично объ основаніи Динаминдскаго монастыря говорится въ 1205 г., когда еп. Альбертъ, по возвращеніи изъ Германіи со своимъ братомъ Ротмаромъ и множествомъ знатныхъ воиновъ и пилигримовъ изъ Саксоніи, «volens tantorum virorum consilio et auxilio vinee Domini palmites extendere in gentibus, post introitum Dune claustrum Cysterciensium monachorum locaverunt in Dunemunde, quibus episcopus abbatem prefecit antedictum fratrem Theodericum, mittitque ad castrum...» (IX, 67). Установимъ связь повѣствованія. Хроникеръ сообщаетъ, что Альбертъ со множествомъ крестоносцевъ пріѣхалъ въ Ригу, гдѣ былъ торжественно принятъ всею миликіею крестоносцевъ и затѣмъ, желая распространить среди язычниковъ вѣтви виноградника Господа, предпринялъ походъ противъ Двинскихъ ливовъ, жившихъ въ замкахъ Икесколѣ, Аскраты и Леневарденѣ. Походъ былъ побѣдоносный. Очевидно, что въ данномъ случаѣ мѣсто о Динаминдскомъ монастырѣ, начиная со словъ «post introitum»... кончая словами «fratrem Theodericum», представляетъ вставку, не имѣющую связи съ ходомъ рѣчи. Замѣчательна въ этомъ мѣстѣ необычная для хроники конструкція рѣчи, выражающаяся въ помѣщеніи сказуемаго предъ дополненіемъ, причемъ къ одному подлежащему относится сказуемое въ разныхъ числахъ («locaverunt», «mittitque»). Странно и то, что Теодорихъ называется здѣсь «antedictus frater», тогда какъ среди перечисленныхъ впереди лицъ его имя не встрѣчается, а упоминается онъ лишь пятью страницами раньше въ 1204 г. по случаю возвращенія его изъ Рима (VIII, 6). Вставка эта, очевидно, сдѣлана послѣ составленія хроники или данной части ея, но самимъ ли авторомъ, или постороннимъ лицомъ, трудно рѣшить. Слѣдуетъ прибавить, что основаніе въ указанномъ 1205 г. Динаминдскаго монастыря весьма вѣроятно, такъ какъ въ слѣдующемъ 1206 г. Теодорихъ впервые именуется аббатомъ (X, 1), въ 1204 г. въ устьѣ Двины упоминается гавань (VIII, 2), въ 1206 г. при входѣ въ Двину рижскій конвентъ встрѣчаетъ Лунденскаго архіеп. Андрея и еп. Николая, а въ 1208 г. еп. Альбертъ уже останавливается надолго въ Динаминдѣ (XI, 8. 9). Повидимому, монастырь тогда уже существовалъ. Указаніе на

его существованіе мы имѣемъ въ томъ же 1208 г., когда говорится, что нѣкоторыя изъ прибывшихъ въ Ливонію духовныхъ лицъ избрали своимъ мѣстопребываніемъ Динаминдъ (XII, 5). Прямо о монастырѣ въ хроникѣ упоминается въ 1210 г. при нападеніи куронъ на Ригу, когда часть нѣмцевъ укрылась въ Динаминдскомъ монастырѣ (XVI, 5).

Послѣ окончательнаго покоренія Ливоніи въ 1206 г. началась усиленная миссіонерская дѣятельность въ отсутствіи еп. Альберта, подъ руководствомъ брата его пробста Энгельберта и согласно указанію Лунденскаго архіеп. Андрея, повидимому, мѣстоблюстителя Альберта. Были разосланы священники въ Торейду, Метсеполе и Идумею и къ двинскимъ ливамъ, были организованы приходы, построены церкви, назначены постоянные священники (X, 14. 15). Между тѣмъ въ слѣдующемъ году, по возвращеніи еп. Альберта, тоже самое повторяется и о его дѣятельности: «post hec episcopus, de conversatione et baptismo Lyvonum gavisus, sacerdotes mittit ad omnes et in Thoreida et in Methsepole et in Ydumeam et iuxta Dunam, et constructis ecclesiis locantur sacerdotes in parrochiis suis» (XI, 2). Затѣмъ, разсказавъ о раздѣлѣ завоеванныхъ земель (XI, 3), хроникеръ прибавляетъ: «divisa taliter Lyvonia, episcopus sacerdotes in partes suas mittens, fratribus milicie partes suas procurandas reliquit» (XI, 4). Приписываемая здѣсь еп. Альберту миссіонерская дѣятельность относится хроникеромъ ко времени послѣ заключенія Альбертомъ союза съ Кукенойсскимъ княземъ Вячко противъ литовцевъ и послѣ раздѣла Ливоніи. Какъ видно будетъ изъ дальнѣйшихъ соображеній, хроника подвергалась передѣлкѣ самимъ авторомъ и не была написана за одинъ пріемъ. Разбираемое мѣсто я считаю дополненіемъ, внесеннымъ авторомъ послѣ составленія этой главы. Логическую связь я усматриваю между заключеніемъ союза съ Кукенойсскимъ княземъ Вячко противъ литовцевъ (XI, 2) и дальнѣйшимъ повѣствованіемъ о нападеніи литовцевъ (XI, 5), начинающимся словами: post hec recordati Lethones..., такъ что приписываемая еп. Альберту церковная организація Ливоніи, начинающаяся словами: post hec episcopus... вставлена хроникеромъ послѣ для возвеличенія еп. Альберта.

То же слѣдуетъ сказать и о повѣствованіи автора о препирательствахъ между орденомъ и епископомъ по поводу раздѣла земель (XI, 3. 4). Вопросъ о раздѣлѣ земель рѣшенъ папою Иннокентіемъ III въ 1210 и слѣд. годахъ (См. Liv. U. B. nr. 16. 18. 19. 23. 25). Правда, хроникеръ въ своемъ повѣствованіи замѣчаетъ, что эти препирательства послѣ дошли до свѣдѣнія папы, который и рѣшилъ ихъ, но изъ этого слѣдуетъ заключить лишь, то, что препирательства эти происходили до

1210 г. Что хроникеръ при своемъ изложенiи событiй не имѣлъ въ виду касаться отношенiй между орденомъ и епископомъ, а желалъ лишь описать обращенiе язычниковъ, великiя и славныя побѣды надъ ними христiанъ, доказательствомъ этому служитъ несомнѣнная позднѣйшая вставка автора по поводу того же раздѣла земли подъ 1211 годомъ. Эта вставка гласитъ: «episcopus autem eodem anno cum Wolguino magistro fratrum milicie Romam veniens, a summo pontifice benignissime receptus est et super divisione Livonie ac Lettie privilegia recipiens, et super predicatione in remissionem peccatorum auctoritatem renovatam accipiens, cum gaudio reversus est»... (XV, 2). Эта вставка явно нарушаетъ обыкновенную у хроникера связь между началомъ и концомъ каждаго года епископства Альберта. Предъ этою вставкою рѣчь кончается обыкновеннымъ выраженiемъ объ ожиданiи возвращенiя епископа: «adventum episcopi et peregrinorum expectabant», а начало слѣдующаго года: «et non quievit ecclesia a bellis» (ср. конецъ гл. XVII, 6 и начало гл. XVIII, 1, а также конецъ гл. XIX, 10 и начало гл. XX). Затѣмъ, по акту еп. Альбертъ съ магистромъ Вольквиномъ былъ у папы не въ 1211, а въ 1210 году. Кромѣ того въ этой вставкѣ говорится о возвращенiи епископа, между тѣмъ какъ объ его возвращенiи уже подробно было сказано въ началѣ 13 года его епископства послѣ этой вставки. Вообще слѣдуетъ отмѣтить, что авторъ хроники очень мало интересуется орденомъ меченосцевъ и упоминаетъ о немъ только при случаѣ. Да и самое извѣстiе объ учрежденiи ордена монахомъ Теодорихомъ въ 1202 году (VI, 6) кажется мнѣ позднѣйшею вставкою автора. По актамъ братья рыцарства впервые упоминаются лишь въ 1204 г. (Livl. U. B. nr. 14), а по хроникѣ они впервые принимаютъ участiе въ походѣ противъ языческихъ Литовцевъ въ 1205 г. (IX, 2).

Обширную вставку, сдѣланную авторомъ послѣ написанiя хроники или части ея, представляетъ интересное описанiе очевидцемъ путешествiя еп. Рацебургскаго Филиппа и еп. Эстонскаго Теодориха на Латеранскiй соборъ въ 1215 г. (XIX, 5—7). Къ такому заключенiю приводитъ контекстъ рѣчи. Непосредственно предъ вставкою говорится: «Et missi sunt sacerdotes Petrus Kakuwalde de Virlandia et Otto fratrum milicie sacerdos, et perrexerunt in Saccale, et consummaverunt baptismum usque ad Palam, et in Ugaunia usque ad Matrem aquarum. Quo facto reversi sunt in Livoniam nondum valentes cohabitare cum eis propter aliorum Estonum ferocitatem» (XIX, 4). Продолженiе разсказа послѣ вставки: «Roma dictat jura, Riga vero rigat gentes. Nam Petrus Kakuwalde et

Otto sacerdos, a Riga missi, Saccalam et Ugauniam interim sacro fonte rigantes ad vitam invitant eternam» (XIX, 7). Послѣ повѣствованія о проповѣди священниковъ Петра Кайкивальта и Оттона (XIX, 4) продолженіе первоначальнаго текста гласило: «Rotalienses vero adhuc rebelles» и т. д. Очевидно, для установленія связи между концомъ и началомъ раздвоеннаго текста авторъ прибѣгъ къ повторенію конца, который связалъ выраженіемъ: «Roma dictat jura, Riga vero rigat gentes». Эти слова, повторенныя еще дважды (IV, 5; XXX, 6), а равно стиль и способъ выраженія, употребляемаго въ описаніи путешествія на Латеранскій соборъ (напр., относительно еп. Филиппа Рацебургскаго: «et elevans oculos suos et manus utras ad celum» (XIX, 5) и «et oculis ac manibus in celum semper intentus» (XVII, 1) и въ описаніи вида моря при нападеніи куронъ на Ригу въ 1210: «et apparente sequenti diei diluculo apparet totum mare quasi nube tenebrosa perfusum (XIV, 5) и въ вышеупомянутой вставкѣ: «et facto diluculo primo mane totum mare contra nos tenebrosum apparuit pyraticis ipsorum repletum» (XIX, 5) свидѣтельствуютъ о тожествѣ автора хроники и вставки. Тоже подтверждаетъ и одинаковая транскрипція имени священника «Kakuwalde» въ разбираемомъ мѣстѣ.

Къ концу хроники, когда событія усложняются, авторъ становится предъ трудною задачею по собственной памяти и разсказамъ очевидцевъ привести все въ хронологическомъ порядкѣ. Немудрено, что онъ повторяется, дѣлаетъ вставки, путается въ послѣдовательности. Ниже я постараюсь указать нѣкоторыя повторенія, дополненія, вставки.

XXII, 7 (1218): «Tunc Lettonum quidam surgentes cum paucis intraverunt Rusciam, et alios capientes, et spolia tollentes, in vindictam suorum fecerunt omnia mala, que potuerunt. Et illis redeuntibus iterum alii abierunt, nihil omnium malorum, que facere potuerunt, omittentes».

XXIII, 5 (1219): Interea Letti de Kukenois et alii quidam Letti fratrum milicie, Meluke et Warigribbe, non immemores omnium malorum, que Rutheni de Plescekowe et Nogardenses anno preterito in Livonia perpetraverant, abierunt in Rusciam, et depredantes villas, et viros interficientes, et mulieres captivantes, omnem terram circa Plescekowe desertam posuerunt, et redeuntibus illis alii abierunt et similia mala fecerunt et predam multam omne tempore retulerunt. Въ отместку имъ псковичи въ свою очередь опусто-

шили землю Леттовъ... nihil eorum malorum que facere poterant, obmiserunt.

XXVII, 4 (1223): «Interim fratres milicie et alii Theutonici cum paucis obsederant castrum Tarbatense, et pagnabant cum eis diebus quinque. Et non volentes castrum tam forte cum paucis expugnare terram in circuitu despoliabant et cum omni rapina sua reversi sunt in Livoniam».

XXVIII, 1 (1224): Sed et fratres milicie post pascha colligentes iterum exercitum, obsederunt Darbitam et pugnaverunt diebus quinque cum eis et non potuerunt pro paucitate suorum castrum comprehendere et spoliantes terram in circuitu cum spoliis suis reversi sunt in Livoniam.

Событія, предшествовавшія и послѣдовавшія паденію Тарбаты (Юрьева) въ 1224 г., весьма спутаны у хроникера. Тутъ можно усмотрѣть нѣсколько повтореній или вставокъ. Трудно установить здѣсь дѣйствительную послѣдовательность событій, каковы: раздѣленіе Эстоніи, представленіе приморскими эстами дани, прибытіе еп. Германа въ Оденпе, дѣятельность князя Вячко, посольства отъ окрестныхъ народовъ. Вѣроятно, взятію Тарбаты предшествовали раздѣленіе Эстоніи и дѣятельность князя Вячко, а представленіе Викскими эстами дани, поселеніе еп. Германа въ Оденпе и посольства отъ разныхъ народовъ имѣли мѣсто послѣ паденія Тарбаты.

До взятія Тарбаты.

XXVII, 6 (1223 г.): Nuncii interim regum Ruthenorum erant in Riga, rerum eventum expectantes et ammirantes quam plurimum, eo quod Rigenses sine victoria nunquam reversi sunt inanes... Должно быть во время осады Тарбаты, такъ какъ при набѣгѣ нѣмцевъ на Гаррію не предвидѣлось особаго событія, наступленія котораго русскіе послы могли ожидать.

XXVIII, 2 (1224 г.): Et audientes Maritimi, quod ad ecclesiam Rigensem pertinerent, gavisi sunt valde et tributa duorum annorum, que prop-

Послѣ взятія Тарбаты.

XXVIII, 9 (1224 г.): Miserunt et Rutheni de Nogardia et Plescekowe nuncios in Rigam petentes ea que pacis sunt. Et receperunt eos Rigenses, facientes pacem cum eis, et tributum quod semper habebant in Tolowa, eis restituentes.

XXVIII, 7 (1224): Maritimi vero Rigam venientes ad obedientiam episcopi redierunt, et censum duplicem, quem propter Donos duo-

ter Dunorum impugnationem neglexerunt integraliter solvebant. Въ гл. XXIX, 1 (1225 г.) прямо сказано, что приморскіе эсты прислали пословъ своихъ въ Ригу послѣ паденія Тарбаты.

bus annis neglexerunt, integraliter persolverunt et fidelitatem perpetuam ecclesie Rigensi promittentes ad fidem christianam redierunt.

XXVIII, 2: Ugaunenses quoque similiter de dominio episcopi Hermanni gaudebant, qui erat in Odempe, sed impediebat eos rex Viescoka cum Tarbatensibus suis.

XXVIII, 6: Episcopus vero Hermannus abiit cum suis in Ugauniam et cepit Odempe edificare.

Заслуживаетъ вниманія различное употребленіе спеціальныхъ терминовъ и формъ въ разбираемомъ мѣстѣ, напр., «kilegunda» (XXVIII, 2; XXIX, 7; XXX, 5), «provincia» (XXVIII, 7; XXIX, 3), «provincia id est kulegunda» (XXVIII, 8) въ Угауніи. О Варбольцахъ говорится, что они представили нѣмцамъ «tributa et waypas» (XXVII, 6), «tributum et munera» (XXVIII, 7), «tributa duorum annorum» (XXVIII, 2). Тутъ же употреблены различныя глагольныя формы при описаніи однихъ и тѣхъ же событій, напр., obsederant = obsederunt, pugnabant = pugnaverunt, solvebant = persolverunt и др. Врядъ ли однако, на основаніи подобныхъ варіантовъ, можно заключать о двухъ или болѣе авторахъ хроники.

Въ виду того, что хроника отчасти составлена по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ очевидцевъ (XXIX, 9), понятно, что въ ней возможны противорѣчія и преувеличенія. Прямыхъ противорѣчій я могу указать два. Первое. Послѣ убіенія еп. Бертольда въ 1198 г. клирики сначала бѣгутъ изъ Икскюля въ Гольмъ, а потомъ, когда ливы постановляютъ убить каждаго клирика, остающагося въ ихъ странѣ послѣ пасхи, они отправляются въ Саксонію (clerici Saxoniam pergunt. II, 9. 10), между тѣмъ когда въ 1200 г. еп. Альбертъ по пріѣздѣ въ Ливонію отправляется въ Икскюль, то, по словамъ хроникера, его встрѣчаютъ здѣсь братья, пребывающіе тамъ со времени перваго епископа (fratres ibidem morantes a tempore primi episcopi. IV, 2). Но можетъ быть хроникеръ различаетъ «fratres» отъ «clerici» (II, 10)? Второе. Въ 1219 г. между Вирляндскими старшинами упоминается Табелинъ, нѣкогда крещенный нѣмцами на Готландѣ (quondam a nostris in Gothlandia baptisatus. XXIII, 7), а въ слѣдующемъ 1219 г. тотъ же старшина былъ вновь окрещенъ нѣмцами въ Вироніи (et baptisati sunt omnes ab eis de quattuordecim villis cum Tabellino seniori ipsorum. XXIV, 1).

Хроника обилуетъ явными преувеличеніями и несообразностями, вытекающими изъ пристрастія автора къ нѣмцамъ, старающагося представлять въ благопріятномъ свѣтѣ или оправдывающаго несправедливыя, жестокія дѣйствія господъ страны. Неправдоподобно, что ливскіе старшины, собранные у одра еп. Мейнгарда, выражали общую радость имѣть у себя новаго епископа (I, 14). По свидѣтельству самого же хроникера, ливы питали къ нѣмцамъ-миссіонерамъ глубокую ненависть, и поэтому такое желаніе могли выражать лишь тѣ, которые остались вѣрными христіанству. Невѣроятно, чтобы второй епископъ Бертольдъ явился въ страну по зову ливовъ, которые между тѣмъ замышляютъ его извести и, когда тотъ возвращается съ войскомъ, вступаютъ съ нимъ въ битву (II, 2). Неправдоподобно, что два латыша цѣлый день воюютъ съ девятью эстами (XV, 7) Трудно вѣрить тому, чтобы ливы неотступно просили еп. Альберта вовсе освободить ихъ изъ-подъ ига русскихъ (XVI, 2). По словамъ автора, туземцы почти всегда «съ радостію» принимаютъ условія мира, предлагаемыя нѣмцами. Авторъ настолько злоупотребляетъ этимъ терминомъ, что приводитъ его и тамъ, гдѣ было завѣдомое недовольство, напр. при встрѣчѣ туземцами неправеднаго судьи князя Владиміра, котораго латыши съ идумейцами приняли не особенно радуясь (licet non multum gaudentes. XVII, 6). Въ 1244 году 3 тысячи нѣмцевъ должны были отступить предъ 20 тыс. русскихъ и эстовъ и запереться въ замкѣ Оденпе, гдѣ насталъ голодъ, такъ что лошади перегрызали другъ у друга хвосты; «tandem tercia die post conflictum colloquuti sunt cum Theutonicis. Fecerunt quoque pacem cum eis ita tamen, ut Theutonici omnes relicto castro in Livoniam redirent» (XX, 7. 8). Авторъ не хочетъ сознаться, что нѣмцы были побѣждены, и даетъ рѣчи такую форму, будто бы русскіе просили мира. Въ битвѣ въ Угауніи въ 1218 г., когда ливы и летты были обращены въ бѣгство, осталось лишь сто рыцарей, которые будто бы выдерживали въ теченіе цѣлаго дня всю тяжесть битвы противъ 16 тыс. русскихъ, и когда русскіе возвратились къ своимъ огнямъ, крестоносцы повернули въ Ливонію, потерявъ будто бы одного рыцаря и другого летта, который наконецъ палъ, сражаясь у дерева противъ девяти русскихъ (XXII, 3). Наивная попытка скрыть пораженіе крестоносцевъ съ союзниками и явное преувеличеніе ихъ доблести.

Извѣстіе о горѣ и прекраснѣйшей рощѣ на ней въ предѣлахъ Вироніи, гдѣ будто бы по разсказамъ туземцевъ родился великій богъ эзельцевъ Tharapita и улетѣлъ отсюда на Эзель, а равно и уничтоженіе здѣсь священникомъ священныхъ изображеній и подобій боговъ

(XXIV, 5) никакъ не вяжутся со всѣмъ тѣмъ, что сообщается въ хроникѣ о религіи языческихъ эстовъ. Несомнѣнно, что туземцы не могли назвать бога эзельцевъ «Tarapita», такъ какъ у древнихъ эстовъ высшій богъ между прочимъ носилъ имя «Taara», а Taara abita (Тара, помоги!) употреблялось при воззваніи къ его помощи, какъ и обращались къ своему богу эзельцы (XXX, 4). Во-вторыхъ, объ идолопоклонствѣ эстовъ, ливовъ и латышей нѣтъ въ хроникѣ никакихъ прямыхъ указаній. Миссіонеры нигдѣ не видали идоловъ. Обвиненіе туземцевъ въ поклоненіи «богамъ», въ «идолослуженіи» представляетъ общее мѣсто и опровергается прямыми указаніями, по крайней мѣрѣ, относительно эстовъ, на то, что они почитали одного бога. Старшина одной области Вироніи, по имени Кирьяванъ, просилъ нѣмцевъ дать ему добраго бога, говоря, что онъ доселѣ имѣлъ злого бога (XXIII, 7). Единобожіе признавали и ливы. Это явствуетъ изъ словъ одного лива, видѣвшаго во снѣ бога ливовъ въ видѣ образа, выроставшаго изъ дерева отъ груди и выше (X, 14). Въ другой священной рощѣ, упоминаемой при деревнѣ Карстенѣ въ Гервіи и оскверненной кровію убитыхъ крестоносцами туземцевъ, объ идолахъ не говорится (XXIII, 9). Упоминаемая въ хроникѣ гора съ священною рощею, по всей вѣроятности, тожественна съ горою, которая нынѣ называется Ebawere и находится въ им. Вакъ на границѣ между Виронiею и Гервiею. Трудно думать, чтобы католическій миссіонеръ, бывшій на этой горѣ, выдумалъ цѣликомъ миѳъ о великомъ богѣ эзельцевъ и идолахъ. Въ основѣ разсказа долженъ лежать дѣйствительный фактъ или преданіе, такъ какъ современное названіе горы Ebawere очевидно имѣетъ связь съ религіознымъ вѣрованіемъ, ибо эст. «eba» значитъ ложный, суевѣрный, напр. eba-usk—суевѣріе, ложная вѣра, «eba-jumal»—идолъ. Вѣроятно, что на этой горѣ въ XIII в. сохранились слѣды языческаго культа населенія, перекочевавшаго отсюда на Эзель.

Вопросъ объ авторѣ древнѣйшей Ливонской хроники доселѣ остается спорнымъ. Всѣ изслѣдователи согласны лишь въ томъ, что онъ былъ духовное лицо. Относительно же его національности и личности мнѣнія расходятся. Общераспространеннымъ является мнѣніе, по которому авторомъ хроники считается священникъ Генрихъ Латышскій. Это мнѣніе, котораго придерживался прежде и я, опровергнуто Ив. Юргенсомъ (Записки Русскаго Отд. Импер. Русск. Археолог. Общества. Т. V вып. 2). Юргенсъ выражаетъ справедливое недоумѣніе, какъ могла появиться, а еще болѣе удержаться гипотеза, не имѣющая за собою никакого серьезнаго основанія, и удивляется, почему жребій палъ именно на Генриха, въ

пользу авторства котораго нѣтъ ни прямыхъ, ни косвенныхъ свидѣтельствъ. Я вполнѣ соглашаюсь съ мнѣніемъ Юргенса, что изъ извѣстныхъ намъ по хроникѣ лицъ Генрихъ представляется менѣе всего подходящимъ для искомаго автора хроники. Юргенсъ отказывается дѣлать какія-либо предположенія о дѣйствительномъ авторѣ и заявляетъ лишь, что кто бы ни былъ авторъ, но несомнѣнно, это человѣкъ близкій къ власти, все знавшій, всѣхъ слышавшій. Я попытаюсь пойти дальше и представить новыя соображенія объ авторѣ хроники, его происхожденіи и личности, основанныя исключительно на данныхъ хроники.

Авторъ несомнѣнно жилъ въ самомъ центрѣ политической жизни древней Ливоніи, въ гор. Ригѣ, куда стекались всѣ свѣдѣнія о происходящихъ кругомъ событіяхъ и откуда исходили распоряженія и начинались дѣйствія властей. Онъ неоднократно сообщаетъ о вѣстникахъ, прибывавшихъ въ Ригу къ епископу и сообщавшихъ о происшедшемъ, напр. X, 8; XI, 7; XX, 3. Онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ Бернгардомъ изъ Липпіи («ut ipse sepius retulit». XV, 3), посвященнымъ въ 1211 г. въ аббаты Динаминдскаго монастыря и въ 1218 г. во епископа Земигаліи, который въ 1211 году упоминается въ Ригѣ, откуда принималъ участіе въ походѣ противъ эстовъ въ Торейду (XV, 4). Постоянное присутствіе автора въ Ригѣ подтверждается сообщеніемъ именъ болѣе знатныхъ пилигримовъ, ежегодно прибывавшихъ въ Ригу и уѣзжавшихъ обратно на родину. Понятно поэтому, почему городъ Рига, мѣстожительство автора, часто просто называется «civitas» (VIII, 2; IX, 1; X, 6. 9; XIV, 5; XXV, 2). Авторъ представляетъ себя пребывающимъ въ Ригѣ, когда говоритъ о выступленіи войска изъ города «вонъ» (foras. IX, 2) и о ежедневныхъ страхахъ внѣ и внутри (intus et foris. XVII, 1). Ниже, гдѣ рѣчь будетъ о личности автора, всюду предполагается его присутствіе въ Ригѣ, о жизни въ которой авторъ передаетъ иногда самыя незначительныя свѣдѣнія, напр. что Земигальскій вождь собиралъ для своего войска фуражъ отъ отдѣльныхъ домовъ въ Ригѣ (IX, 2), о встрѣчѣ и разговорѣ рижскаго горожанина Мартина съ Земигальскимъ вождемъ Свелгатомъ, вышедшаго изъ города и предложившаго послѣднему медокъ для питья (IX, 1), о великомъ голодѣ въ городѣ (X, 9) и т. п.

Высказываютъ мысль, не была ли хроника составлена нѣсколькими лицами. За это предположеніе нѣтъ достаточныхъ основаній. Вся хроника проникнута однимъ духомъ и написана въ одномъ стилѣ, общій планъ ея выдержанъ какъ въ выборѣ матеріаловъ, такъ и въ освѣщеніи событій, такъ что, если исключить интерполяціи и позднѣйшія дополне-

переводя его латинскимъ nemus (XXX, 4; ср. лив. tara, эст. tahr, taar—дворъ, загонъ). Изъ латышскаго языка онъ приводитъ только одно слово draugus (вм. draugs—другъ) id est consocius (XVI, 4). Несомнѣнно, что автору представлялось много случаевъ выказать знаніе мѣстныхъ языковъ, особенно при переводѣ географическихъ и личныхъ именъ. Но онъ этого обыкновенно не дѣлаетъ. Всего два раза онъ переводитъ эстонскія географическія названія, а именно замокъ Odenpe id est Caput ursi (XII, 6) и р. Emajôgi (одна течетъ изъ Вирцгерва въ Чудское озеро, другая изливается мимо гор. Пернова въ сѣверную часть Рижскаго залива) «Mater aquarum» (XV, 7; XXX, 3), но въ обоихъ случаяхъ переводъ, вѣроятно, сдѣланъ при русскомъ посредничествѣ, такъ какъ у русскихъ Оденпе всегда именуется «Медвѣжья Голова», а р. Emajôgi «Омовжа», «Омовыжа» (изъ эст. Emawesi—Мать-вода). Послѣднее предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ XIII в. во время написанія хроники рѣки эти у эстовъ назывались не Emavesi, а Emajôgi (Livl. U. B. nr. 62 отъ 1244 г. «Emaioga» и nr. 2721 отъ 1234 г. «Emibach» нынѣ нѣм. Embach). Изъ сказаннаго я заключаю, что авторъ древнѣйшей Ливонской хроники не зналъ ни одного изъ туземныхъ языковъ и былъ чужестранцемъ. Самъ авторъ всегда отожествляетъ себя съ нѣмцами, а не съ туземцами. Многократныя выраженія «ex nostris», «ad nos», «nobis», «nobiscum» и т. п. взятыя въ отдѣльности, конечно, могутъ быть толкуемы лишь въ смыслѣ обособленія нѣмцевъ-христіанъ отъ язычниковъ, и въ такихъ случаяхъ авторъ-христіанинъ былъ въ правѣ причислять себя къ нѣмцамъ. Но когда подобныя выраженія употребляются при противоположеніи нѣмцевъ ливамъ, леттамъ и эстамъ, уже принявшимъ христіанство, то было бы натяжкою придавать этимъ выраженіямъ другой смыслъ, кромѣ того, что авторъ хотѣлъ ими выразить національное различіе дѣйствующихъ лицъ. Мѣста эти слѣдующія. Въ 1209 г. о двухъ отрядахъ латышей, опустошавшихъ Литву, говорится, что они вернулись «ad nostros in Kukenois», но въ Кукенойсѣ были только крестоносцы (XIII, 1). Въ 1214 году относительно крестоноснаго и туземнаго войска, отправлявшагося въ походъ на эстовъ, говорится: «et erant ex nostris circiter tria milia Theutonicorum, et Lyvonum et Lettorum alia totidem» (XVIII, 5). Въ 1220 г. о павшихъ въ битвѣ въ Гервіи говорится: «ex nostris vero ceciderunt duo, et ex Letthis duo, frater Russini et frater Drivinalde de Astigerwe, comes juvenis de familia episcopi milesque ducis unus» (XIII, 9). Въ 1221 г. въ увѣщаніи, обращенномъ къ господамъ страны и судьямъ, авторъ говоритъ: «ne pauperes nimium opprimatis, pauperes dico Livones et Lettos sive quoscun-

que neophitos, beate Virginis servos, qui nomen Christi filii sui deportaverunt hactenus ad alias gentes, et adhuc portabunt nobiscum» (XXV, 2). Сюда же слѣдуетъ отнести характеристику авторомъ мѣстнаго климата, на что врядъ ли обратилъ бы вниманіе хроникеръ-туземецъ. Приступая къ описанію обозрѣнія легатомъ Вильгельмомъ эстонскихъ церквей въ 1226 г. послѣ праздника Крещенія Господня, авторъ предпосылаетъ замѣчаніе, что «propter nivis et gelu via sit in frigidis terris illis melior ad eundum» (XXIX, 7).

Авторъ хроники долженъ былъ появиться въ Ливоніи въ началѣ епископства Альберта. Всѣ прежніе дѣятели, напр. монахъ Теодорихъ, священники Алобрандъ, Александръ, Даніилъ, которые могли быть въ числѣ братьевъ, пребывавшихъ въ Ливоніи со времени перваго еп. Мейнгарда, исчезаютъ со сцены раньше написанія хроники. Будь кто-либо изъ нихъ авторомъ хроники или первой части ея, онъ непремѣнно сообщилъ бы о времени еп. Мейнгарда и Бертольда гораздо болѣе, чѣмъ сколько мы находимъ въ хроникѣ. Хроника сразу становится богаче событіями со времени пріѣзда въ Ливонію братьевъ еп. Альберта Теодориха (1203 г.) и Ротмара (1205 г.). Этотъ фактъ заслуживаетъ особаго вниманія. Въ заключеніи хроники авторъ говоритъ, что онъ началъ писать хронику по просьбѣ господъ и товарищей (rogatu dominorum et sociorum) и что онъ передалъ по памяти лишь то, что видѣлъ собственными глазами или слышалъ отъ очевидцевъ (que vidimus oculis nostris fere cuncta, et que non vidimus propriis oculis, ab illis intelleximus, qui viderunt et interfuerunt. XXIX, 9). Такъ какъ авторъ увѣряетъ, что почти все записанное онъ видѣлъ собственными глазами, чему мы не можемъ не вѣрить, то слѣдуетъ думать, что онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, выступившихъ рано на аренѣ Ливонской исторіи и дожившихъ по меньшей мѣрѣ до 1227 года, когда кончается хроника. Трудно предположить, чтобы среди простыхъ ливонскихъ священниковъ было лицо столь выдающихся дарованій, какъ авторъ хроники. Лицо, къ которому обращались епископы и магистръ ордена и товарищи съ просьбою написать хронику, должно было быть по своему положенію выше простого священника. Такое лицо слѣдуетъ искать среди ближайшихъ сотрудниковъ еп. Альберта, въ числѣ прелатовъ конвентовъ.

Далѣе я попытаюсь разсмотрѣть всю хронику съ цѣлію отыскать въ числѣ очевидцевъ описываемыхъ событій лицо, болѣе всего подходящее въ качествѣ автора хроники. Такое лицо прежде всего должно быть очевидцемъ большинства событій. Первое событіе хроники, записанное

очевидцемъ или со словъ очевидца, представляетъ битва крестоносцевъ съ эзельскими пиратами въ 1203 г. (VI, 1—3). Въ числѣ крестоносцевъ тогда былъ и братъ Альберта Теодорихъ. О томъ, какъ папа принялъ ливскаго князя Каупо, облобызавъ его, могъ разсказать очевидецъ братъ Теодорихъ, съ которымъ Каупо былъ у папы (VII, 5). Описаніе погрома литовцевъ въ 1205 году, шедшихъ мимо Риги на эстовъ и на обратномъ пути разбитыхъ на голову земигалами и нѣмцами, составлено очевидцемъ (IX, 1—5). Такъ какъ еп. Альбертъ въ свое отсутствіе изъ Ливоніи обыкновенно назначалъ своимъ замѣстителемъ довѣренное лицо, а таковымъ въ настоящее время могъ быть его братъ Теодорихъ, то можно думать, что онъ и есть источникъ этого описанія. Въ 1205 г., возвращаясь изъ Германіи, еп. Альбертъ привозитъ съ собою множество пилигримовъ, въ числѣ которыхъ упоминаются два знатныхъ лица и кромѣ того на первомъ мѣстѣ его братъ Ротмаръ изъ Зигебергскаго монастыря, такъ какъ Альберту было дано папою Иннокентіемъ право брать изъ любого монастыря по одному брату въ сотрудники (socium laboris. IX, 6). Съ этого года большая часть событій описывается подробно и матеріалъ хроники становится обильнѣе. Живость описанія событій подтверждаетъ заявленіе автора о личномъ его присутствіи при большинствѣ ихъ. Напр. рыцаря, посланнаго Альбертомъ въ Икесколу, ливы утромъ призываютъ къ себѣ; тотъ выходитъ къ нимъ вооруженный со своею свитою и ведетъ съ ними продолжительный разговоръ (ad eos foras egreditur, et illis cum eo multa confabulantibus ad singula queque competenter respondit. IX, 9). Пилигримы подвигаются вверхъ по Двинѣ, и вотъ ливы изъ замка Леневардена, услышавъ о происшедшемъ, ищутъ надежныхъ убѣжищъ въ лѣсу (IX, 9). Устрашенный Кукенойскій князь спѣшитъ навстрѣчу еп. Альберту и они привѣтствуютъ другъ друга рукопожатіемъ (datis hinc inde dextris salutassent se. IX, 10). Убитый Гольмскими ливами священникъ Іоаннъ оказывается близкимъ знакомымъ автору хроники, который сообщаетъ, что Іоаннъ былъ родомъ изъ Вироніи и попалъ мальчикомъ въ плѣнъ, изъ котораго былъ выкупленъ еп. Мейнгардомъ и помѣщенъ имъ въ Зегебергскомъ монастырѣ для наученія Священному Писанію, послѣ чего пріѣхалъ съ еп. Альбертомъ въ Ливонію, гдѣ былъ рукоположенъ во священника Гольмскаго прихода. Здѣсь, по словамъ хроникера, онъ многихъ отвратилъ отъ служенія идоламъ. Тѣло его и кости, собранныя впослѣдствіи другими священниками, были похоронены съ благоговѣніемъ еп. Альбертомъ въ церкви Пр. Дѣвы Маріи въ Ригѣ (X, 7). Навѣрное, этотъ священникъ, воспитанный въ одномъ монастырѣ вмѣстѣ

съ братомъ Альберта Ротмаромъ, является однимъ изъ источниковъ хроникера для времени перваго еп. Мейнгарда. Въ 1206 г., въ то время, когда нѣмцы бились съ Гольмскими ливами, авторъ, повидимому, совершалъ въ Ригѣ миссу вмѣстѣ съ еп. Альбертомъ. «Епископъ, говоритъ хроникеръ, совершалъ со своими клириками миссу, со страхомъ Божіимъ и молитвами ожидая появленія кого-либо, кто бы могъ сообщить о происходящемъ. Сердце его было полно надежды па Господа. И внезапно издали показалось судно, на которомъ возвращаясь нѣкто изъ братьевъ рыцарства съ нѣсколькими ранеными представляетъ епископу голову Ако въ знакъ побѣды» (X, 8). Авторъ, повидимому, участвовалъ въ битвѣ нѣмцевъ съ литовцами при Ашераденѣ, гдѣ «язычники, видя, что ихъ преслѣдуютъ, всѣ вмѣстѣ подняли великій крикъ и, созвавъ своихъ, повернули навстрѣчу христіанамъ. Христіане, поднявъ знамена, внезапно обрушились на нихъ, тамъ и сямъ убивая» (XI, 5). Въ 1209 г., по поводу смерти пробста соборной церкви Энгельберта, авторъ отзывается съ величайшею похвалою о его преемникѣ Іоаннѣ, какъ человѣкѣ кроткомъ, скромномъ и разумномъ на всѣхъ путяхъ своихъ, и съ особою любовью останавливается на дѣлахъ соборной церкви и конвента. Такъ какъ Іоаннъ былъ изъ Августинскаго ордена, братья котораго въ знакъ чистоты носили бѣлое одѣяніе, то епископъ приказалъ каноникамъ рижской соборной церкви носить бѣлое одѣяніе и клобуки вмѣсто прежнихъ черныхъ. «И такъ какъ доселѣ опасались язычниковъ внутри и внѣ, то конвентъ жилъ внутри стѣнъ перваго города въ церкви впервые построенной; послѣ пожара этой церкви и города (въ 1215 г.) начали строить новую церковь Пр. Дѣвы Маріи и тамъ жить» (XIII, 3). Въ дальнѣйшемъ повѣствованіи авторъ не забываетъ соборной церкви, упоминая напр. въ 1224 г. о передачѣ ей приморской области Эстоніи съ семью килегундами, на которую рижская церковь имѣла полное право, такъ какъ она была пріобрѣтена какъ завоеваніемъ и крещеніемъ, такъ и платежемъ дани и владѣніемъ заложниками, которыхъ никогда не возвращала датскому королю (XXVI, 13; XXVIII, 2. 7). Въ 1210 году авторъ, повидимому, былъ въ Ригѣ, когда куроны напали на нее, и пишетъ какъ очевидецъ: «На разсвѣтѣ слѣдующаго дня все море показалось заволоченнымъ какъ бы темнымъ облакомъ. Находившіеся на корабляхъ, при видѣ наступающаго на нихъ множества язычниковъ и громаднаго войска, то готовятся на защиту; то бѣгутъ въ монастырь. Язычники, надѣясь взять городъ внезапно, минуя корабли пилигримовъ, быстро плывутъ къ городу. Но рыбаки съ обоихъ береговъ Двины, видя ихъ, бѣгутъ въ Ригу, сообщая о приближеніи войска. Горожане, братья

рыцарства и стрѣлометы (balistarii), хотя малочисленные, вмѣстѣ съ клириками и женщинами берутся за оружіе, подъ звуки колокола, въ который ударяли лишь во время войны, созываютъ народъ, и, идя навстрѣчу непріятелю, ранятъ изъ нихъ многихъ на берегу Двины. Куроны, оставивъ на Двинѣ корабли, построили свое войско на полѣ; каждый изъ нихъ несъ передъ собою деревянный щитъ, сколоченный изъ двухъ досокъ, и палку на подобіе пастушескаго жезла для поддержанія его. И когда солнце освѣтило бѣлые щиты, то они отражались на водахъ и полѣ. Ибо то было большое и сильное войско и приближалось къ городу» (XIV, 5). Живость описанія битвы крестоносцевъ съ эзельцами и приморскими эстами въ Торейдѣ при замкѣ Каупо въ 1211 г. также предполагаетъ участіе въ ней автора. «И тотчасъ, ударивъ въ тимпанъ радости, музыкальными инструментами и пѣніемъ развеселяя духъ мужей и призывая на себя милосердіе Божіе, быстро устремляются на язычниковъ и, перешедши ручей, нѣсколько пріостанавливаются, чтобы собраться вмѣстѣ. Видя это, устрашенные язычники хватаютъ щиты, иные спѣшатъ къ конямъ, другіе перепрыгиваютъ ограду, собираясь вмѣстѣ, возмущаютъ воздухъ своими криками, идутъ христіанамъ навстрѣчу, въ великомъ множествѣ посылаютъ на нихъ копья, подобно дождю. Христіане принимаютъ копья своими щитами, по истощеніи копій хватаются за мечи, подходятъ ближе, вступаютъ въ битву, падаютъ раненными, язычники мужественно сражаются. Видя ихъ храбрость, воины быстро устремляются въ центръ непріятеля, наводя на нихъ страхъ своими убранными конями, многихъ повергаютъ на землю, иныхъ обращаютъ въ бѣгство, преслѣдуютъ бѣгущихъ, убиваютъ захваченныхъ на дорогѣ и на поляхъ» (XV, 3). Авторъ стоялъ очень близко къ еп. Филиппу Рацебургскому, человѣку весьма набожному, глаза и руки котораго всегда во время молитвы были обращены къ небу (XVII, 1; XIX, 5), который никогда не хотѣлъ прерывать положеннаго богослужебнаго чина; ни во время пожара въ Ригѣ, когда послѣ воспламененія всего онъ бѣжалъ изъ своего дома, ни среди самихъ враговъ на морѣ, ни въ третью смѣну, когда, будучи ночью на стѣнѣ въ молитвѣ, былъ тяжело раненъ сторожемъ (XIX, 6). Авторъ несомнѣнно сопровождалъ еп. Филиппа Рацебургскаго и еп. Эстонскаго Теодориха на Латеранскій соборъ въ Римѣ въ 1215 г. Чрезвычайно живое описаніе опасностей, которымъ они подвергались въ Новой Гавани на о. Эзелѣ отъ нападенія эзельцевъ, сдѣланное въ первомъ лицѣ (множ. числа), можетъ исходить только отъ очевидца (XIX, 5—7). Отсутствіе автора изъ Ливоніи до возвращенія въ слѣдующемъ 1216 г. еп. Альберта и

еп. Теодориха подтверждается неопредѣленностью описанія событій конца 1215 и начала 1216 г., переданныхъ, повидимому, по разсказу постороннихъ лицъ (XIX, 8—10). Судя по живости описанія и повѣствованія въ первомъ лицѣ, можно думать, что авторъ принималъ непосредственное участіе въ слѣдующихъ позднѣйшихъ событіяхъ: въ набѣгѣ на Гаррію въ 1216 г., причемъ дружиною епископа командовалъ братъ его Теодорихъ (XX, 2), въ набѣгѣ на Гервію въ томъ же году, причемъ въ деревнѣ Кеттисѣ были крещены нѣсколько язычниковъ (XX, 6), въ битвѣ крестоносцевъ съ эстами въ Сакалѣ, причемъ палъ ливскій князь Каупо, вѣрный сынъ ливонской церкви, никогда не пренебрегавшій бранями Господними и походами (XXI, 2—4), въ битвѣ крестоносцевъ при Омовжѣ въ Угауніи, кончившейся бѣгствомъ крестоноснаго войска (XX, 2—4), въ набѣгѣ на Леальскую провинцію въ 1219 г., причемъ крестоносцы сильно пострадали отъ мороза, такъ что у всѣхъ впослѣдствіи дома выросла на лицѣ новая кожа (XXII, 9), въ набѣгѣ на Виронію въ 1220 г., когда въ деревню Торму къ нѣмцамъ явились старшины Виронія, принявшіе отъ нихъ крещеніе (XXIII, 7), въ осадѣ Земигальскаго замка въ Месіотѣ въ томъ же году (XXIII, 8). Описаніе набѣга крестоносцевъ въ союзѣ съ ливами и леттами въ Гервію въ 1220 г. заслуживаетъ особаго вниманія потому, что авторъ тогда находился въ дружинѣ (cum viris ecclesiæ) епископа, которою предводительствовалъ братъ епископа Теодорихъ. Войско крестоносцевъ состояло изъ ливовъ, леттовъ и нѣмцевъ, и съ ними былъ Саксонскій князь Альбертъ, ихъ старшій, магистръ со своими рыцарями и Теодорихъ братъ епископа съ прочими мужами церкви. «По жребію ливы получили путь налѣво, эсты путь направо, нѣмцы съ леттами по обыкновенію заняли средній путь. Поднявшись рано до разсвѣта, продолжаетъ хроникеръ, мы отправились среднимъ путемъ въ Нурмекунду и съ восходомъ солнца нашимъ глазамъ представились множество огней и дыма въ Гервенской землѣ». Это эзельцы жгли и грабили Гервенцевъ. «Нѣкоторые изъ насъ, именно князь Альбертъ со своими рыцарями, надѣвъ доспѣхи, пошли въ Гервію навстрѣчу непріятелямъ... Мы поспѣшили къ нимъ и послѣ девятаго часа захватили четырехъ изъ нихъ, поджигавшихъ деревню, убивъ которыхъ и отнявъ коней, мы погнались за другими и вмѣстѣ съ леттами, которые были болѣе легки къ преслѣдованію ихъ, подошли къ деревнѣ, которая называется Карстенъ, гдѣ былъ ихъ ночлегъ (maja) и сборный пунктъ (congregatio)... Они шли къ намъ съ громкимъ крикомъ и ударяя въ щиты... и, замѣтивъ нашу малочисленность, подбѣжали, метая на насъ свои копья. Закричали и

летты, и тѣ, которые были съ нами, которые сперва пришли и еще были малочисленны, и также подбѣжали къ нимъ, метая свои копья. Нашъ путь былъ тѣсенъ отъ замерзшаго снѣга, и одинъ шелъ за другимъ. Нѣмцы, идя сзади далеко, не успѣли еще подойти, и ихъ медленность была для насъ первыхъ тягостна. Итакъ, уповая на Господа, мы расположили леттовъ налѣво. Нѣмцы же, идя отдѣльно по пути, построились вправо. И когда мы увидѣли знамя братьевъ рыцарства, а также князя, слѣдующаго со своимъ большимъ знаменемъ, то мы весьма возрадовались... И тотчасъ съ братьями рыцарства, а равно и съ другими нѣмцами и леттами мы устремились на нихъ... Нѣмцы гнались за ними изъ деревни въ поле. Летты же, идя около деревни, встрѣчали нѣкоторыхъ бѣгущихъ и, разсѣивая ихъ, убивали... Изъ нашихъ пали двое и изъ леттовъ двое... Ливы же, которые пошли по другому пути влѣво, и эсты, которые уклонились вправо, какъ не пришедшіе на битву, не получили и долей при дѣлежѣ добычи, но, направляясь по своему пути, вступили ночью въ Гаррію... Слѣдуя за ними, нѣмцы съ леттами на слѣдующій день совершали подобное же зло и сдѣлали своимъ сборнымъ мѣстомъ деревню Лоне, которая находится посреди страны. Ливы же избрали въ другомъ мѣстѣ свой ночлегъ и Сакаланцы сѣли близъ Ревеля... Варбольцы прислали къ намъ просить мира и ухода изъ ихъ предѣловъ»... По требованію магистра Вольквина Варбольцы дали заложниковъ, которыхъ, впрочемъ, по требованію датчанъ они вернули родителямъ. «И оставивъ тамъ заложниковъ этой области, мы съ своею добычею вернулись въ Ливонію... И послѣ этого ливы вернулись съ нѣмцами, благословляя Бога»... (XXIII, 9. 10). Какъ очевидецъ большей части описываемыхъ событій, авторъ долженъ былъ принимать въ нихъ непосредственное участіе, и, зная по вышеприведенному примѣру, что онъ находился въ дружинѣ епископа, которою предводительствовалъ братъ епископа Теодорихъ, мы имѣемъ основаніе думать, что онъ участвовалъ во многихъ тѣхъ набѣгахъ и битвахъ, въ которыхъ упоминается дружина епископа.

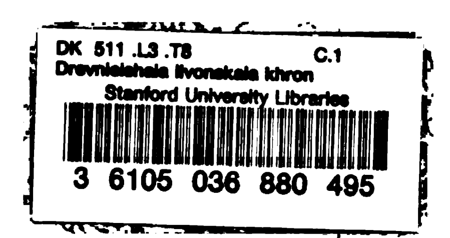
Авторъ хорошо освѣдомленъ объ организаціи Дерптской епископіи. Назначенный въ 1220 г. во епископа Дерптскаго братъ Альберта Германъ поселяется въ 1224 г. въ Оденпе, начинаетъ строить замокъ, помѣщаетъ въ немъ знатныхъ мужей, въ томъ числѣ своего брата Теодориха, даруя каждому изъ нихъ въ феодъ по одной провинціи. Другого своего брата Ротмара назначаетъ пробстомъ, предуказываетъ мѣсто конвента своего въ Тарбатѣ и приписываетъ ему 24 деревни и достаточно доходовъ и полей, дѣлаетъ распоряженіе о назначеніи регулярныхъ ка-

никовъ и постановляетъ мѣстомъ своей каѳедральной церкви. Онъ призываетъ въ Угаунію также священниковъ, даетъ имъ въ ленъ церкви и снабжаетъ ихъ достаточно ругою (annona) и полями (XXVIII, 3). Замѣчательно, что здѣсь мы опять встрѣчаемъ вмѣстѣ двухъ братьевъ Альберта—Теодориха и Ротмара и что такихъ подробностей не сообщается въ хроникѣ ни объ одной изъ учрежденныхъ въ завоеванныхъ земляхъ епископій. Слѣдовательно, авторъ хроники долженъ былъ быть особенно близкимъ къ еп. Герману.

Несомнѣнную близость автора хроники къ семьѣ брата еп. Альберта Теодориха доказываетъ сообщеніе свѣдѣній о семейныхъ дѣлахъ Теодориха, женатаго на дочери Псковскаго князя Владиміра. По словамъ хроникера, князь Владиміръ былъ изгнанъ въ 1212 г. изъ Пскова со всѣмъ своимъ семействомъ за то, что выдалъ свою дочь замужъ за Теодориха. Не будучи принятъ Полоцкимъ княземъ, онъ принужденъ былъ переселиться со своими людьми въ Ригу къ своему зятю, гдѣ былъ съ почетомъ принятъ зятемъ и дружиною епископа (XV, 13). Послѣ своего возвращенія изъ Германіи въ 1212 г. еп. Альбертъ благословилъ Владиміра, любовно одарилъ его изъ всего того, что привезъ изъ Германіи, и приказалъ относиться къ нему съ почтеніемъ (XVI, 1). Въ Ливоніи князь Владиміръ дѣйствовалъ какъ вѣрный помощникъ нѣмцевъ и уже въ томъ же 1212 г., при едва не происшедшемъ кровавомъ столкновеніи нѣмцевъ съ Полоцкимъ княземъ, онъ уговорилъ послѣдняго уладить дѣло миромъ (XV, 2). Онъ сперва былъ судьею въ Аутине, пока эта область не перешла въ собственность ордена; послѣ въ Идумеѣ мѣсто судьи своего зятя Теодориха, который уѣхалъ въ Германію (XVI, 7). Но здѣсь, по словамъ хроникера, «онъ много жалъ, чего не сѣялъ» и поэтому по общему желанію онъ былъ вынужденъ уѣхать на Русь (XVII, 4). Однако въ слѣдующую зиму онъ опять вернулся въ Ливонію съ женою, дѣтьми и всею семьею и опять занялъ мѣсто въ Аутине (иск. Metimne). Семья его жила въ Ригѣ, и всѣ прислуживали ей съ любовью. Послѣ упрековъ, сдѣланныхъ ему священникомъ Алебрандомъ за его неправедный судъ, тотъ грозилъ уничтожить имущество Алебранда и спустя короткое время со всею семьею удалился навсегда на Русь (XVII, 6; XVIII, 1. 2). Свою угрозу князь Владиміръ привелъ въ исполненіе въ 1218 г., при опустошеніи Ливоніи въ качествѣ Псковскаго князя въ союзѣ съ новгородцами (XXII, 4).

Таковы данныя, могущія служить ключемъ къ разгадкѣ имени автора хроники. По этимъ даннымъ слѣдуетъ заключить, что авторъ хроники прибылъ въ первые годы епископства Альберта, жилъ преиму-

щественно въ городѣ Ригѣ, былъ особенно близокъ къ пробстамъ и конвенту Рижскаго каѳедральнаго собора, путешествовалъ въ Римъ на Латеранскій соборъ вмѣстѣ съ еп. Филиппомъ Рацебургскимъ, съ которымъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ, участвовалъ въ многочисленныхъ походахъ крестоносцевъ, вѣроятно, въ отрядѣ еп. Альберта, которымъ предводительствовалъ братъ Альберта Теодорихъ (котораго семейную жизнь онъ близко зналъ), былъ хорошо освѣдомленъ объ организаціи Дерптской епископіи. Такъ какъ хроника написана, по словамъ автора ея, по просьбѣ господъ и товарищей и не «ради лести или временной выгоды» (adulationis aut lucri temporalis causa. XXIX, 9), то слѣдуетъ думать, что авторъ не былъ однимъ изъ господъ страны, а былъ приближеннымъ къ нимъ лицомъ. Кто же именно былъ авторъ хроники? За неимѣніемъ прямыхъ свидѣтельствъ, отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только гипотетическій. Если онъ былъ лицомъ, упомянутымъ въ самой хроникѣ, то всѣ вышеприведенныя данныя говорятъ въ пользу брата еп. Альберта Ротмара, который прибылъ въ Ливонію въ 1205 г. и былъ назначенъ въ 1224 г. пробстомъ Дерптской каѳедральной церкви. Его имя упоминается въ хроникѣ еще разъ и опять вмѣстѣ съ братомъ Теодорихомъ, когда въ 1215 г. они вернулись изъ Германіи въ Ливонію (XIX, 2). И лишь гадательно можно думать, что онъ разумѣется въ числѣ «sapientes et discreti viri» или «prelati conventuum», которые нерѣдко упоминаются въ хроникѣ въ качествѣ совѣтниковъ господъ или въ качествѣ лицъ, сопровождавшихъ ихъ.

DK 511 .L3 .T8 C.1
Drevnieishaia livonskaia khron
Stanford University Libraries
3 6105 036 880 495

